

Глава 1. Прикосновение дозволено лишь богам

Машину мерно покачивало, и я проваливался в дремоту. В полусне сознание металось между причудливыми, обрывочными видениями: вот я на американских горках в парке развлечений, а в следующее мгновение — уже на поверхности Луны.

А затем, в калейдоскопе сменяющих друг друга времён года, я оказался перед горными вратами. Взгляд мой был прикован к изящным, чеканным иероглифам на табличке над головой: «Храм Цзичжу». До ушей доносились голоса монахинь — старые и молодые, торопливые и медленные, но все они бесстрастно, словно заученный урок, повторяли одно и то же: «Настоятельница Сюаньтань не принимает посетителей. Просим вас удалиться».

Храм получил своё название в честь притчи о Сяньянь Цзичжу, который обрёл просветление от звука удара черепка о бамбук, отсёкшего все его заблуждения.

С тех пор как в восемь лет моя мать, Цзян Сюэхань, отрешилась от мира и стала монахиней, она перестала быть матерью и дочерью. Теперь она была лишь одной из многих в храме Цзичжу.

Я давно не питал никаких надежд. С непроницаемым лицом я развернулся, и видение сменилось другим — мне снова одиннадцать, и за окном холодные зимние каникулы.

В тот год я вместе с Янь Чувэнем и его отцом отправился в долгое путешествие. Два дня мы тряслись в дороге, пока наконец не добрались до места у подножия Снежной горы Цанлань, что звалось Цюаньсун.

Там слепило солнце, небо было пронзительно-синим, а стены домов, белые, словно выкрашенные молоком, резко контрастировали с ним. Все местные носили странные, не похожие на одежду народа Ся халаты и говорили на незнакомом мне языке.

Отец Янь Чувэня, профессор Университета национальностей, посвятил свою жизнь изучению фольклора. В тот год он привёз студентов в Цюаньсун для полевых исследований. Их встретили с распростёртыми объятиями: сам губернатор области приветствовал группу и даже выделил проводника, чтобы тот сопровождал их по деревням народности Цэнлу.

Для исследовательской группы это была редкая возможность познакомиться с культурой малого народа, и они цеплялись за каждую деталь. Целая толпа могла по полчаса обсуждать рисунок на чьей-то двери.

Янь Чувэнь, с детства впитавший атмосферу академических изысканий, слушал с неподдельным интересом. Я же, ничего не смысля в фольклоре, откровенно скучал. Заметив, что на меня никто не обращает внимания, я отбился от группы и пошёл бродить по деревне.

Наш гид, живший в этой деревне, на ломаном языке Ся объяснил, что селение называется Пэнгэ, что значит «место, ближайшее к небу». Это была самая большая деревня Цэнлу во всём Цюаньсуне. А на самой вершине горы, сверкая золотой крышей на фоне белых стен, стоял их Храм Короля-Оленя, где из поколения в поколение жили «Яньгуани» — те, кто говорит с богами.

Профессор Янь очень заинтересовался Яньгуанем и выразил желание встретиться с ним для короткого интервью. Но наш проводник, будучи благочестивым последователем веры Цэнлу, хоть и согласился показать нам деревню, не осмелился беспокоить покой оракула визитом чужаков. После нескольких тщетных попыток профессору пришлось с сожалением отступить.

В детстве я был весьма своенравным: чем строже запрет, тем сильнее желание его нарушить. Так, бродя без дела, я незаметно для себя оказался у подножия длинной лестницы, ведущей наверх.

Вся деревня была построена на склоне горы, уступами поднимаясь ввысь. На самой вершине стояло единственное здание — тот самый храм.

Ворота были открыты. Во дворе царила тишина, ни единой души. Поколебавшись мгновение, я шагнул внутрь.

Сгорая от любопытства, я осматривался по сторонам, обходя высокое здание и мысленно сравнивая его с храмом Цзичжу. Вдруг до моих ушей донёлся странный глухой стук.

Хлоп! Хлоп!

Звук был необычным. Я на цыпочках двинулся в сторону заднего двора, откуда он доносился. Завернув за угол, я увидел под высоким кипарисом две фигуры: одна стояла, другая преклонила колени.

Стоявший мужчина лет сорока, с худыми щеками и гневным лицом, был одет в белый халат. В руке он держал толстую ротанговую трость и раз за разом опускал её на спину коленопреклонённого мальчика.

Мальчик был примерно моего возраста, с белоснежной кожей и яркими, не похожими на черты народа Ся, чертами лица. Несмотря на зимний холод, на нём была лишь тонкая рубаха. Крепко сжав зубы, он молча терпел нескончаемые удары, не издавая ни звука, хотя на лбу и кончике носа уже выступили бисеринки пота.

Чем упрямее он молчал, тем холоднее становилось лицо мужчины. Выкрикнув яростное ругательство на местном наречии, он с новой силой обрушил трость на спину мальчика.

Поясница юноши прогнулась, он опёрся руками о землю, едва не рухнув.

Я, выросший в городе, воспитанный на идеалах равенства и свободы нового времени, никогда не видел ничего подобного. Я невольно ахнул и отступил на шаг назад.

В этот самый миг мальчик, словно что-то почувствовав, резко вскинул голову и посмотрел в мою сторону.

В этом взгляде смешались неукротимая боль и лютая свирепость — так смотрит попавший в капкан волчонок, который, даже истекая кровью, будет до последнего защищаться клыками и когтями, не позволяя никому увидеть свою слабость.

Наши взгляды встретились, и в тот же миг я очнулся.

Вокруг был уже не таинственный и величественный храм Цэнлу, а старый пикап Янь Чувэня.

Я всё ещё пытался прийти в себя, когда машина с грохотом влетела в очередную яму. Пикап подбросило так, что, даже пристёгнутый, я на пару секунд оторвался от сиденья.

Теперь понятно, почему мне снились американские горки...

Этот толчок окончательно вернул меня к реальности. Я молча вцепился в поручень над головой.

— Я не шучу... включи сейчас какой-нибудь диджейский трек, и мы с тобой, не вставая с места, протанцуем его от начала до конца, веришь? — Я взглянул на часы. Янь Чувэнь говорил, что от аэропорта Шаньнань до Пэнгэ ехать два часа, а мы проехали только половину. — Дальше дорога такая же? — не удержался я от вопроса.

Янь Чувэнь бросил на меня короткий взгляд:

— Проснулся от тряски? В глубинке всегда так, с Хайчэном, конечно, не сравнить, но сейчас ещё хорошо. Помнишь, когда мы в детстве сюда приезжали? Дорога была куда хуже, мы целый день в микроавтобусе тряслись, полсалона стошнило.

Я посмотрел на желтовато-серые скалы по обочинам и сонно пробормотал:

— Не помню.

Янь Чувэнь усмехнулся.

— Раньше я звал тебя приехать, а ты то ссылался на головную боль, то собирался за границу. Я уж подумал, что у тебя с детства психологическая травма от той поездки, и ты это место невлюбил. А тут вдруг — раз, и приехал. Так неожиданно.

Я долго молчал. Признаться в истинной причине было неловко, поэтому я лишь сказал, что давно не отдыхал и решил устроить себе длинный отпуск.

Янь Чувэнь, человек, у которого не было даже аккаунта в Weibo и который не смотрел короткие видео, легко поверил мне и больше не расспрашивал.

Рейсов из Хайчэна в Шаньнань было мало. Билеты я заказывал в спешке, и мне достался только один, на девять утра. Будильник прозвенел в шесть, но я с трудом заставил себя подняться лишь в полседьмого. Залив в себя чашку чёрного американо без сахара, я схватил чемодан и поехал в аэропорт. В самолёте меня одолевала дремота, боровшаяся с кофеином в крови, так что я то засыпал, то просыпался, не находя покоя.

Наконец мы добрались до Пэнгэ. Янь Чувэнь припарковал пикап у здания Научно-исследовательского института фольклора. Я вытащил свой чемодан, мечтая лишь о том, чтобы поскорее добраться до комнаты и лечь спать. Но мой друг, переполненный энтузиазмом, начал свою экскурсию прямо от вывески «Научно-исследовательский институт фольклора Цэнлу». Он комментировал всё на своём пути, отчего моё лицо приобретало землистый оттенок, а голова становилась всё тяжелее.

— Сейчас здесь только я и моя младшая коллега. Готовит нам тётушка из деревни, три раза в день. Но ты же понимаешь, глубинка, продукты достать трудно, так что еда простая, не обессудь...

Двор был обнесён невысокой, около метра, стеной из серых камней. В углу виднелся навес, увитый мощными стеблями глицинии. Жаль, что сейчас была глубокая зима, и растение спало — виднелись лишь голые ветви без единого листа.

Во дворе лежал светлый пёс — его принесла Го Шу, коллега Янь Чувэня. Однажды, навещая местных жителей, она увидела, как их собака оценилась. Щенки были очаровательными и пухлыми. Хозяева, заметив её восторг, настояли на том, чтобы подарить ей одного.

— Его зовут Эр Цянь, — сказал Янь Чувэнь, указывая на лениво дремлющего на солнце пса с

висячими ушами. — Раньше у него была другая кличка. Но когда ему было три месяца, он, улучив момент, запрыгнул на стол и проглотил двухмаовую монетку, которую Го Шу там оставила. Нам потом два дня пришлось копаться в его помёте, чтобы убедиться, что инородное тело вышло. После этого мы и переименовали его в «Эр Цянь» — «Два цян» — в назидание.

Продолжая свой рассказ, Янь Чувэнь провёл меня на второй этаж и открыл дверь в крайнюю комнату.

— Располагайся, отдохни немного, — сказал он, взглянув на часы. — Может, попозже прогуляемся?

Я уже собирался вежливо отказаться, но тут он добавил:

— Храм совсем недалеко. Если хочешь, можем идти пешком.

Я поджал губы, проглотив заготовленный отказ.

— Хорошо. Дай мне пять минут.

Я быстро умылся холодной водой, поправил перед зеркалом волосы и, приведя себя в порядок, спустился вниз. Мы вместе с Янь Чувэнем направились к храму на вершине горы.

Пэнгэ находилась глубоко в горах, на большой высоте, поэтому здесь было гораздо холоднее, чем в Хайчэне. Даже в толстом пуховике и с шарфом на шее открытые участки кожи мёрзли и покалывали от боли.

— Ты удачно приехал. Через несколько дней будет Праздник зимнего урожая — второй по значимости после Дня рождения Короля-Оленя. Люди молятся о хорошей погоде и богатом урожае в следующем году. Перед храмом будут раздавать ритуальную кашу, можешь сходить, посмотреть.

— Съешь её — и обретёшь долголетие или исцелишься от всех болезней? — спросил я, выпуская облачка пара. От холода язык немного заплетался.

— Ни то, ни другое. Просто на удачу, — усмехнулся Янь Чувэнь.

В прежние годы Цояньсун был труднодоступным, бедным и изолированным регионом, где редко можно было встретить представителей народа Ся. Но в последние годы, благодаря государственной программе по борьбе с бедностью, здесь проложили дороги, провели интернет и начали развивать туризм. И хотя зимой сюда по-прежнему приезжало мало чужаков, наше появление уже не вызывало удивления и пристальных взглядов.

Мимо нас прошли две молодые женщины в чёрных традиционных одеждах Цэнлу, с многочисленными бусами на груди. Кажется, они были знакомы с Янь Чувэнем и, проходя мимо, улыбнулись и кивнули ему.

Из-за зимнего холода на головах у них были плотные чёрные накидки — чжаньгаи. Две длинные полосы ткани, похожие на шарф, были обмотаны вокруг шеи и спускались по спине. При ходьбе серебряные колокольчики, прикреплённые к углам, издавали тихий звон.

— Народность Цэнлу надевает чёрные или тёмно-красные халаты только по особым случаям. А головной убор — это чжаньгай, он защищает от холода и солнца, его носят в основном зимой, — пояснил Янь Чувэнь. — Такие халаты украшают тонкими цветными полосками на рукавах,

воротнике и подоле. Они символизируют девять цветов Девятицветного оленя.

— Пояс обычно подбирается отдельно, его можно сочетать с разной одеждой. Я видел один пояс, расшитый бирюзой, янтарём и кораллами. Когда мне его передали, я даже дышать боялся, чтобы не повредить.

Как и у многих малых народов, у Цэнлу была своя вера. Они поклонялись духу-хранителю Снежной горы Цанлань — Девятицветному оленю, который, по преданию, спасал людей в час беды.

Я поднял голову. Золотая крыша Храма Короля-Оленя ослепительно сияла на солнце.

— Они так нарядились, потому что идут в храм?

Янь Чувэнь кивнул:

— В большинстве случаев, да.

Я окинул взглядом свой пуховик и джинсы и подумал, что, кажется, проявил неуважение.

От института до храма было всего несколько сотен метров, но путь пролегал по лестнице в тысячу ступеней. Усталость и непривычная высота давали о себе знать. Я то и дело останавливался, чтобы перевести дух. Когда мы наконец добрались до вершины, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из горла.

— Ты в порядке? — спросил Янь Чувэнь. Несмотря на свою хрупкую внешность, он обладал поразительной выносливостью и сейчас дышал совершенно ровно, будто был готов пробежать марафон.

Я опёрся о колени, пытаюсь отдышаться, и немного ослабил шарф.

— В порядке. Я всё-таки... за последние два года немало гор обошёл.

— Всё равно будь осторожнее, — посоветовал он и, взглянув на храм, с ноткой ностальгии добавил: — Подумать только, сколько лет прошло с окончания университета. Бай Инь, ты ведь его знаешь? Так вот, нынешний Яньгуань Цэнлу — это Мо Чуань.

Я замер, не меняя позы, и посмотрел на него, ожидая продолжения.

— Мо Чуань — его мирское имя. Теперь мы не можем так его называть. Нужно, как и все, обращаться к нему «Пинцзя», запомни, — серьёзно напутствовал Янь Чувэнь.

Цзялинпинцзя, или Калавинка, — мифическая птица из буддийских сутр, обладающая дивным голосом, с которым не сравнится ничей другой. У народа Цэнлу эта птица стала вестником, передающим слова богам. На неё возложили обязанности Яньгуаня — оракула, который должен всю жизнь служить божеству и доносить до Шаньцзюня молитвы своего народа.

Я криво усмехнулся и выпрямился.

— Запомнил.

Мы вошли внутрь и сразу увидели мужчину и женщину, стоявших у ступеней главного зала. Судя по всему, это была молодая пара. Они были одеты в тёмно-красные халаты, похожие на те, что мы видели раньше, и держали на руках младенца.

Мать подняла ребёнка и осторожно передала его человеку на ступенях. Мой взгляд последовал за её движением.

Серебристо-белый халат, широкие ленты с вышитыми на плечах девятью цветными каплями покачивались на ветру, путаясь с краями наброшенного на спину чжаньгая и заставляя колокольчики издавать мелодичный звон. Возможно, дело было в материале, но мне показалось, что их звук был приятнее, чем у тех двух девушек.

Белоснежная ткань одеяния была безупречна, на солнце она даже немного слепила глаза. Человек протянул такие же безупречно белые руки и принял младенца. Его лицо, скрытое чжаньгаем, было опущено. Он что-то тихо прошептал ребёнку и, медленно наклонившись, коснулся губами его лба.

— Это обряд благословения новорождённых, — прошептал Янь Чувэнь. Он хотел подойти ближе, но я остановил его, и мы остались ждать поодаль.

Вскоре человек в белом вернул дитя матери. Краем глаза он заметил нас и повернул голову.

За эти годы, по работе, я побывал на множестве модных показов и светских раутов. Я видел много красивых людей, включая самых ярких звёзд шоу-бизнеса, но ни одно лицо не производило такого ошеломляющего впечатления.

Любой, кто увидел бы это лицо, был бы поражён его красотой.

Эта красота, выходящая за рамки пола, отчасти была дарована ему природой, а отчасти — исходила от его едва уловимой «божественности».

Холодная белизна кожи в сочетании с предельно яркими чертами лица должна была бы выглядеть вызывающе, но аскетичный и строгий образ создавал ощущение недостижимой святости. Он был похож на... пион, расцветший на заснеженной вершине. Прикосновение дозволено лишь богам, близость — лишь праведникам.

Увидев Янь Чувэня, «снежный пион» не изменился в лице, но когда его взгляд переместился на меня, он на мгновение замер и едва заметно нахмурился.

Годы сменяли друг друга, время текло, как вода. Прошло семь лет, я успел объехать полмира и вернуться, изменилось всё вокруг, но неизменной, кажется, осталась лишь неприязнь этого божественного сына народа Цэнлу ко мне.

— Привет! Давно не виделись, — я помахал ему рукой, непринуждённо поздоровавшись.

Он не ответил. Лишь спокойно отвёл взгляд, что-то с улыбкой сказал своим соплеменникам и, дождавшись, когда пара уйдёт, начал спускаться по ступеням в нашу сторону.

Бай Инь (bǎi yīn)

Пинцзя (pín jiǎ)

Сяньянь Цзичжу: буддийская притча о дзэн-мастере Чжисяне из храма Сяньянь, который внезапно достиг просветления, услышав звук удара черепка о бамбук.

<http://bllate.org/book/13443/1197025>